Последние строки следует сопоставить с заключением «Дневника одной недели»: «Карета остановилась, — выходят, — о, радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..».[67]

Сильные переживания, вызванные приездом Рубановской и детей, продолжали волновать Радищева и дальше. В письме от 15 марта того же года он снова говорит о своем душевном состоянии: «Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется. Разум, в недействие почти приведенный, испытывает паки свои силы, и сердце, обыкшее повторительною печалию содрогаться ежечасно, трепещет еще, но от радости».[68] В следующем письме, от 29 марта, Радищев снова пишет: «...среди бедствия я блаженство чувствовать могу».[69]

Наконец, в письме от 5 апреля Радищев полностью характеризует свое душевное состояние перед прибытием «друзей», как он еще называет Рубановскую и детей, и после их приезда: «Ожидая весну, чтобы продолжить наше путешествие и прибыть к месту моего назначения, я стараюсь употреблять время несколько иначе, нежели я делал по прибытии моем в сей город. Тягостное состояние, в каковом я находился и кое, ваше сиятельство, могли себе вообразить по письмам моим,[70] не позво-

---

[67] Там же, стр. 8.

[68] Там же, стр. 532.

[69] Там же, стр. 535. В этом письме обращает на себя внимание цитата Радищева из «Путешествия»: «Блажен, сказал я, живущий в воображении!» (стр. 536). Ср. в «Путешествии»: «...блажен живущий в мечтании» (стр. 62).

[70] В недатированном письме к Воронцову из Твери, относимом к октябрю 1790 года, Радищев писал: «...разлука с детьми моими есть для меня томная смерть» (там же, стр. 525); в письме из Нижнего от 20 октября он говорит, что чувствовал бы себя хорошо, «если бы не несносная сердцу моему печаль разлучения моего от детей моих не была толико отяготительна... все мое умствование, вся философия исчезают, когда вспоминаю о моих детях» (стр. 526). Особенно полно тревог письмо от 22 октября из Перми: «Я сам себе устроил бедствие и стараюсь сносить казнь мою с терпением; но часто оно бывает недостаточно. Вооружуся надеждою и рассудком, но как скучно вспомнить, что я живу в разлучении от детей моих! Рассудка уже более нет во мне, и едва надежда не отлетает. Если кто знает, что действительным блаженством я полагал быть с ними, тот может вообразить, что скорбь моя должна быть беспредельна». Сказав коротко о состоянии своего здоровья, Радищев продолжал: «Касательно до душевного моего расположения, то я солгу, если скажу, что я покоен. Душа моя болит и сердце страждет. Если бы не блистал луч надежды... то признаюсь, что лишился бы, может быть, и совсем рассудка... Иногда удается мне разогнать черноту мыслей». Радищев высказывает далее надежду на свидание с членами своего семейства: «...время... совершит мое начинание, а тем скорее, если могу иметь уте-